

Ольга Овдий

ФРАНЦУЗСКИЙ ЭТИКЕТ

*Почему француженки
не носят Шанель*

Ольга Овдий

Французский этикет. Почему француженки не носят Шанель

Серия «Этикет и стиль: лучшие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63431341

*Французский этикет. Почему француженки не носят Шанель:
ISBN 978-5-17-134278-4*

Аннотация

«Как живут женщины в Париже? В нашем представлении это юные и не очень, прекрасные дамы, которые летят по городу на каблуках и в изящных платьях. Они забегают в кофейню выпить кофе и побежать дальше по своим красивым делам. Но так ли это на самом деле?

У современной француженки нет ни средств, ни времени на то, чтобы выглядеть как с обложки журнала и одеваться у Шанель. Ей нужно наравне с супругом обеспечивать семью. И выходить на работу после декрета, когда малышу едва исполняется 2 месяца.

Но даже при этом француженке удастся сохранять особый шарм, непоколебимую уверенность в себе и прекрасную самооценку. Она всегда делает то, что считает нужным, независимо от мнения окружающих.

А еще у француженки нет возраста. И в свои 65 она с радостью учится танцевать танго. А потом неожиданно выходит замуж

за мужчину лет на 15 моложе. Ведь жизнь одна, и ею нужно наслаждаться!

В книге «Французский этикет. Почему француженки не носят Шанель» я расскажу вам, как живет современная женщина во Франции. Мы заглянем в ее гардероб, на кухню и даже в спальню. Поинтересуемся ее банковским счетом. Местом учебы и работы, зарплатой и карьерой.

Обо всем этом и о многом другом читайте без прикрас в моей первой книге».

Ольга Овдий, француженка с 15-ти летним стажем. Переехала во Францию в 22 года, чтобы стать хозяйкой своей жизни. На данный момент бизнес консультант французских ведущих компаний, создатель международной резервационной туристической платформы LinkedByTravel.

В свободное от работы время – страстная путешественница и историк – любитель. Вдохновлённая искусством, модой и дизайном. Увлекающаяся психологией и влиянием на людей.

Пишет для Marie Claire, Cosmopolitan, Grazia, e-executive.ru, а также ведёт блог на Сноб.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление	6
Феминизм и секс: немного французской истории	18
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Овдий
Французский этикет.
Почему француженки
не носят Шанель

© Овдий О., текст

© ООО «Издательство АСТ»

Вступление

15 лет я живу во Франции и каждый раз, приезжая на Родину, слышу до боли знакомый комплимент: «Ты стала настоящей француженкой!».

И каждый раз при этом задумываюсь, а хочу ли я быть на неё похожа?

Смогла бы я, как мои коллеги – современные француженки, справляться с их ежедневной массой обязанностей? Делать карьеру, растить нескольких детей? И что самое пугающее – рассчитывать только на себя! Не имея поддержки в воспитании детей со стороны их бабушек и дедушек, постоянно конкурируя с коллегами-мужчинами и зарабатывая при этом намного меньше их.

Способна ли я на это?

А ведь так хочется представить себя в образе глян-

цево-журнальной стройной парижанки, одетой в идеально скроенный жакет от Шанель и наслаждающейся утренним кофе на залитой солнцем террасе! И перед тем, как пройтись меж ароматно-красочных рядов ближайшего рынка, раздумывать, какие очередные изыски приготовить на ужин.

А затем прогуляться по уютным сен-жерменским бутикам, выбирая очередной комплект шёлкового negligé для нежной встречи пришедшего с работы мужа (а может, и любовника) где-то между 17-ю и 19-ю часами в одном из великолепных парижских отелей.

А пока что, неторопливо листая очередной номер VOGUE с последними новинками из мира моды, терзаться выбором между новыми коллекциями Chanel и Dior, мечтая о тёплых летних вечерах Лазурного побережья. Конечно же, эти наряды вряд ли подойдут для классического Парижа. Но для него ведь припасено несколько маленьких чёрных платьев...

Едва заметным движением руки поправив идеальное каре, медленно встать и, улыбнувшись на прощанье давно знакомому официанту, грациозно удалиться навстречу новому прекрасному дню в городе света, искусства и любви. В том самом Париже, столице мира, воспетом писателями и увековеченном на полотнах известнейших художников мира.

Не спеша пройтись по мощёным улочкам старого Монмартра, зайти за багетом в любимую булочную. Подумать о планах на следующий день и договориться с подругой о

встрече на одной из парижских выставок.

И так пройти по рынку, выбирая свежайшие продукты, чтобы приготовить новое блюдо по рецепту одного из популярнейших шеф-поваров.

Или же попросить мужа пригласить меня в ресторан?

И не забыть купить цветы по дороге домой. Ведь вчерашний букет уже завял... А в белоснежном декоре явно не хватает чего-то яркого...

Но что это? Это явно не запах цветов, не свежесваренного кофе, не круассанов... И почему так темно? Что это за полумрак? И кто эти люди в тёмном, толкающие меня со всех сторон? И почему этот мужчина отпихивает меня от тяжёлой двери вместо того, чтобы открыть её для меня? Или я проснулась на другом континенте? Ведь эти люди не просто одеты в чёрное, они вообще другие. Что происходит? Куда несёт меня эта тёмная масса? Почему я опять бегу?

Почему на мне кроссовки Stan Smith? И где же мои туфли Louboutin? А на моём жакете ZARA оторвана очередная пуговица! Почему стоящая рядом и жующая свой круассан женщина роняет крошки прямо мне на сумку? И почему моя сумка не Chanel? Мне кажется, что пока толпа продвинулась по станции метро ещё на 5 метров, эта женщина успела тайком вытереть руки о мою спину.

И как хорошо, что сегодня я надела джинсы, иначе снова не прошла бы незамеченной мимо местных национальных

меньшинств. Тех самых выходцев из бывших французских колоний в Африке.

И почему становится всё тесней и тесней, так что уже просто нечем дышать? На улице всё ещё плюс 15, а лица людей вокруг покрыты испариной. Почему мой журнал *Courrier International* уже почти прилип к моему лицу? И почему эти люди рядом так ругаются в этом городе любви и света? Где я? Что происходит?

Я знаю! Точно. Это дурной сон! Я скоро проснусь, и всё закончится. И я пойду встречать очередной великолепный день своей жизни на любимую террасу.

Но кто же продолжает толкать меня локтем в спину? Наверное, муж переворачивается в кровати. Я должна срочно проснуться, я больше не могу терпеть этот кошмар. У меня же потом весь день будет болеть голова. Я буду с ужасом вспоминать этот дурацкий сон.

Ай, кто-то тянет меня за волосы... Наверное, пора разбудить мужа, у него очень беспокойный сон. Ведь если я каждую ночь буду видеть такие кошмары и не высыпаться, это очень быстро отразится на моей внешности. Теперь как будто кто-то наступает мне на ногу, но вряд ли это может быть всё ещё горизонтально спящий муж....

Что происходит? Я ничего не понимаю. Где я? Почему я не просыпаюсь?!

Ах да... Простите... Я забыла. На самом деле я та самая Парижанка. Настоящая. Не со страниц глянцевого журнала.

Я даже уже стала француженкой. Но только по паспорту. Но я уже и не славянка. Я живу здесь с 22-х лет.

В чём-то я уже стала совершенно чужой для своей Родины и друзей, оставшихся там. Теперь мы по-разному смотрим на жизнь и её приоритеты.

Но и во Франции я всегда буду иностранкой с выдающими меня чертами лица и всё ещё лёгким акцентом. Хотя и вхожу в пять процентов самого высокооплачиваемого населения Франции.

Но я не еду на работу в машине с личным шофёром. Я, как и 80 % француженок трудоспособного возраста, каждый день добираюсь на работу общественным транспортом. В моём случае – на метро. В Париже этот вид транспорта помогает избежать пробок, но при этом постоянно ломается, и на платформах люди в жёлтых жилетах трамбуют нас в переполненные вагоны.

У меня хорошая высокооплачиваемая работа. Я консультант по управлению проектами в области новейших информационных систем. Я работаю на самые известные французские компании.

Я могла бы ехать на машине, не вдыхая ароматы парижской подземки, ставшей общественным туалетом и пристанищем для бомжей. Но тогда вообще неизвестно, доехала бы я до работы хотя бы часа за два. Да и паркинга не найти.

Вместо жакета Chanel и туфель Louboutin на мне ZARA и балетки. ZARA – чтоб как-то сливаться с массой своих кол-

лег, а балетки – чтобы быстрее пробежать по мрачным коридорам метро. И сумка Longchamp, которая уже привлекает к себе излишнее внимание. Но я, по крайней мере, ещё не глотаю на ходу круассаны, стряхивая крошки на соседей, и не крашу ресницы в метро. Сумкой Chanel я также не владею, потому что не хочу дразнить тех, с кем работаю – такую покупку не могут позволить себе даже мои коллеги с постоянными контрактами на управленческих позициях. А мне, будучи не только фрилансером, но к тому же и женщиной, да ещё иностранкой, лучше вести себя «ком иль фо», иначе ни одного проекта мне не дадут. Да и Лазурное побережье, облюбванное моими бывшими соотечественницами, меня также не привлекает. Как утверждала «бородатая» реклама: «Жажда – ничто, имидж – всё».

Но я вовсе не сноб и в остальном прожила последние 10 лет как большинство парижанок. За лёгким исключением: я не смогла отказаться от ношения юбок, платьев и каблучков, шёлковых блузок, кашемировых свитеров и вообще натуральных тканей, макияжа, маникюра, парфюма. Ещё я не покупаю полуфабрикаты ни в каком виде, не хожу в фастфуд, не имею в своём смартфоне электронных игр. Езжу отдыхать намного дальше, чем Лазурный берег или Нормандия, и не смотрю все выходные напролёт какой-нибудь сериал сезон за сезоном. 10 лет спустя я все ещё люблю своего нефранцузского мужа. Но... никому об этом не рассказываю. Потому что, как говорят сами французы: «Чтобы жить счастливо,

свою жизнь лучше не афишировать».

Так что по версии для коллег у меня всё плохо. Дома у меня жадный инфантильный муж, шумные соседи. Духовка не готовит замороженные блюда, а на Бали две недели подряд шёл дождь (раз уж вы узнали, где я отдыхала). И да, я не живу возле Триумфальной арки. И вообще – у меня 40 м² и протекает крыша (даже если я и живу на 3 этаже 5-этажки). Как говорят у нас: «Меньше знаешь – лучше спишь».

Но в конце концов мне всё это надоело, славянские корни взяли своё, душа захотела прекрасного, а тело отказалось следовать привычной программе французов «metro-boulot-dodo», что в переводе означает «метро-работа-сон». И я бросила всё, несмотря на то, что получила во Франции два высших образования – банковское и по управлению международными проектами, проработав при этом в проектах таких гигантов, как L'Oréal, PCA (Peugeot Citroen), Total, BNP PARIBAS и многих других. Я оставила комфорт постоянного контракта с его гарантированной ежемесячной зарплатой, променяв его на нестабильный заработок фрилансера. Но выиграв при этом больше бесценного свободного времени для себя, а самое главное – свободу выбора. Выбора проектов, выбора коллег и даже очень маленькое право на собственное мнение, которое так не любят внутри крупнейших французских компаний, прикрывая эту завуалированную диктатуру модным сегодня понятием «корпоративной культуры» или «идентичности компании». Я не смогла во-

ткнуть себя в рамки, навязанные женщине французским обществом.

Я открыла свою компанию в сфере туризма и новейших технологий. Однако открытие и ведение своего бизнеса во Франции – тема отдельной книги... Наконец, я получила французское гражданство и французский паспорт, который облегчает мне мои многочисленные путешествия по всему миру.

И я благодарна этой стране за всё, что она мне дала. За возможность работать и жить здесь. За её богатейшую историю, за все те красоты, которые не пересмотреть и за всю жизнь. За великолепную кухню, которая стала частью всемирного наследия UNESCO, и, конечно же, за её великолепные вина.

Но француженкой я стала лишь по паспорту. И у меня русскоговорящий муж. И меня до сих пор удивляет и забавляет одержимость масс-медиа всем французским. Французский стиль и парижский шик у всех на устах. *L'art de vivre français* – искусство жить по-французски.

И эти клише ещё очень долго будут помогать разным брендам продавать – стоит только добавить прилагательное «французский», слово «Париж» или любой навевающий мысль о Франции элемент, как-то: багет, круассан, бордо, устрица, Шанель... И это работает везде! И не только на постсоветском пространстве, в Азии или развивающихся странах. Но и в Штатах, Японии – словом, всюду!

И, наверное, масс-медиа правы. Проведя лишь пару недель в поездках, я начинаю скучать по многим ставшим мне привычными вещам. И серый камень османского Парижа с его великолепными фасадами никогда не перестанет меня восхищать.

Хотя совсем недавно я узнала, почему так мало на улицах японских или американских туристов, столь падких на всё французское. Оказывается, страховые компании отказывают им в полисе для путешествия в страну, живущую под постоянной угрозой террористических атак. Так что этих туристов я встречаю намного чаще в Италии и Греции, чем в Париже и во Франции вообще. Но они продолжают оставаться рекордсменами по выпуску «учебных пособий» – книги на тему «Как стать парижанкой» или «Как воспитывать детей» на основе «личного опыта жизни во Франции» расходятся миллионными тиражами и становятся бестселлерами.

Однако парадокс круассанов на завтрак и стройности французских женщин так до сих пор и не разгадан... Иногда так и кажется, что выстрелит где-нибудь новомодная диета на основе тех самых круассанов, фуа гра и сыров.

И даже живущие во Франции блогеры из других стран продолжают поддерживать этот имидж. Ведь многие из них пишут статьи для журналов, подрабатывают гидами, фотографами, стилистами, и французский миф помогает зарабатывать им на хлеб насущный.

Я обожаю Париж – при всех его неудобствах для повсе-

дневной жизни. И буду любить всегда, даже зная все его тёмные стороны. Но даже у меня появляется приторный вкус при виде всех этих круассаново-сакурных фотографий.

Эйфелева башня, чашки капучино и бокалы вина на террасах, пикники и выглядывающие из плетёных корзинок бутылки шампанского на набережных Сены, скатерти в красную клетку, цветущие магнолии... Всё это прекрасно помогает продавать и радует глаз надеющегося увидеть Париж мечтателя.

Вот только особо чувствительные японские туристы, воспитанные на манге, не выдерживают брутальной парижской действительности и часто попадают в госпиталь Святой Анны, где их же соотечественник, японский психиатр Хироаки Ота определил в 80-х симптоматику парижского синдрома – лёгкого психического расстройства, возникающего от несоответствия парижской действительности тем самым всемирно известным клише.

И только британский писатель Стефан Кларк, уже довольно давно живущий во Франции, не боится называть вещи своими именами и достаточно точно описывает французскую реальность за пределами приторно-розовых террас. Что интересно, так это русские названия его книг. «A Year in the Merde» (дословно «Год в дерьме») в «литературном» переводе звучит как «Боже, спаси Францию! Наблюдая за парижанами». А «Talk to the Snail» («Поговори с улиткой») превратилось в «Наблюдая за французами. Скрытые прави-

ла поведения». Похоже, наша цензура не допускает развенчания мифа, который до сих пор обеспечивает прекрасные продажи всем брендам подряд, даже не имеющим ничего общего с Францией.

Ну а что же происходит с современными француженками, знаменитыми своей стройностью, стилем и умением воспитывать детей?

По данным исследований ClicknDress, лишь 6 % француженок помещаются в сороковой итальянский размер. А вот 46-й является самым популярным. Что касается знаменитого французского стиля, то в топ 3-х любимых марок французских модниц входят CAMAIEU, H&M, и ZARA. При этом ZARA занимает почётное третье место, уступая два первых ещё более бюджетным брендам.

Французских мам, знаменитых своими либеральными взглядами на воспитание детей, давно заменили африканские няни. А среднестатистическая француженка, особенно парижанка, возвращается домой в то время, когда дети, переодетые всё теми же нянями в пижамы и накормленные ужином, уже должны говорить маме «спокойной ночи». Но её это не беспокоит. Ведь право на работу и распоряжение средствами француженки получили лишь в 1965 году. А право на аборт – в 1975-м.

Но что же на самом деле выиграли француженки в этой борьбе за свободу, кроме обязанности зарабатывать наравне с мужчиной и делить с ним расходы на совместный быт? При

том, что разница в зарплатах с мужчинами составляет 17–25 % при равных обязанностях и компетенциях?

Выиграли гордое право платить сами за себя в ресторане? Практически не видеть среди недели своих детей? Питаться замороженными полуфабрикатами или пищей, наедая себе при этом упомянутые лишние размеры? Не ухаживать за собой под предлогом, что их должны любить такими, какие они есть? Или обязанность выходить на работу, когда ребёнку исполняется 2,5 месяца? Это и есть свобода выбора? Или же право на работу сменилось обязанностью содержать семью наравне с мужчиной?

При этом французские мужчины становятся всё более инфантильными. Они боятся принимать решения, делать женщинам комплименты...

Конечно же, на обложках глянцевых журналов мы не видим всю эту тёмную сторону реальности. Я же знаю её прекрасно, пройдя через множество крупных компаний, где перезнакомилась с женщинами очень разного возраста и социального уровня. И я знаю, что прячется под этой глянцевой обложкой, которую приоткрою для вас в этой книге.

Феминизм и секс: немного французской истории

Ну а чтобы понять, почему француженки стали такими, какие они есть на сегодняшний день, давайте обратимся к истории. Ведь неспроста они борются по сей день за свои мнимые свободу, равенство и братство там, где надо, а чаще – где не надо, и к тому же – совершенно не в свою пользу. И ведь борются именно за братство! Потому что, как ни странно, женственность во Франции давно уже не в почёте.

Гордо размахивая изрядно выцветшим флагом феминизма и эмансипации, эти озлобленно-уставшие воительницы за свободу со всего размаха получают непридержанной силой

но-слабым полом дверью по давно забывшему макияж лицу. Но даже при этом жажда эмансипации не ослабевает. Как говорится, запретный плод сладок. И если у многих других эта булимия уже бы вызвала не только стойкое отвращение, но даже диабет, француженки продолжают самоотверженно бороться с ветряными мельницами и взваливать себе на плечи всю эту «невыносимую лёгкость бытия».

Хотя, возможно, всему есть своё объяснение. Безумно хочется понять, почему женщины пытаются взвалить на себя всё больше и больше обязанностей, отобрать часть мужской работы, не разделив при этом с последними даже части своей собственной. А потом просто не понимать, что с этим всем добытым в безумной борьбе счастьем делать, кроме как обвинять слабый сильный пол в его несостоятельности. Сами французские особи мужского пола, пострадавшие от феминизма, называют нависшую над ними угрозу «моральной кастрацией».

Да это и неудивительно, ведь после прочтения книг Марлен Чиаппа, сегодняшнего министра по вопросам равенства между мужчинами и женщинами, складывается впечатление, что современных француженок интересует исключительно работа или дети (или работа, или дети – качественно совместить во Франции и то, и другое невозможно). Так вот, обыкновенный среднестатистический мужчина рассматривается современными француженками чаще всего как дето-производитель.

Ну и поскольку Франция является страной католических нравов, здесь, чтобы всё было «ком иль фо», надо быть в паре. Да и недвижимостъ при этом обходится дешевле, а ещё можно уменьшить налоги. Ну и самое главное – гордо так всем заявлять, что ты «en couple», что по звучанию недалеко от нашего глагола «совокупляться». А о чувствах во Франции речь уже давно не идёт.

То есть статус мужчины как просто любимого человека рассматривается француженками лишь в крайне исключительных случаях. Видимо, этим и объясняется постоянно растущее количество браков с иностранками. Особенно когда первый брак с француженкой успехом не увенчался.

Я совершенно не оправдываю мужчин и не хочу сказать, что все они – жертвы эмансипации. Скорей наоборот, я – сторонница теории вселенского заговора с их стороны. Это они придумали феминизм и эмансипацию, чтобы переложить на хрупкие плечи женщин содержание семьи. Это они создали ложную псевдопривлекательность работы и взрастили в женщинах некое чувство зависти по отношению к её наличию.

По Фрейду женщина чувствует себя ущербной от зависти к мужчине по причине наличия у него мужского органа – и никоим образом решить эту проблему для себя не может. Ввиду такой безысходности мужчины выдумали для зависти новый повод, но уже преодолимый для слабого пола без операционного вмешательства. И речь тут идёт как раз о той самой работе. Если раньше женщина не считалась самореали-

зованной без детей, то теперь ей подсунули ещё и работу – с обязанностью содержать семью.

Интересен тот факт, что исторически всё складывалось для француженок не так уж и плохо. Уже две тысячи лет назад галльская женщина играла в обществе ведущую роль. Галльские женщины сами выбирали себе партнёров. Как бы настойчив ни был поклонник, решающее слово всегда было за дамой. На ложе, на войне и на пиру женщины галлов были с мужчинами на равных.

В Средние века, когда церковь объявила, что до перво-родного греха человек не имел пола, сексуальная жизнь стала считаться признаком растления и падения человечества. Церковь запрещала занятия любовью ради удовольствия. Любовные утехы считались грехом, и половой акт служил исключительно задаче деторождения.

Со временем нравы всё более ужесточались. Даже парам, состоящим в законном браке, церковь запрещала заниматься любовью по воскресеньям, средам и пятницам, а также во время религиозных праздников, когда женщина была беременна и в течение 40 дней после рождения ребёнка. Более того, мужчина не должен был ни в коем случае проявлять какие-либо признаки страсти по отношению к своей жене.

Церковь дошла до того, что даже определяла позиции, в которых пара могла заниматься любовью. Не могло быть и речи о позе наездницы или левретки. Не говоря уж о содомии. Разрешена была лишь поза миссионера. Церковь запу-

гивала верующих тем, что нарушение установленных ею правил вело к рождению детей-монстров. В постели женщине было абсолютно запрещено проявлять какую-либо инициативу. Половой акт мог совершаться исключительно ночью. Женщине при этом запрещалось возбуждать супруга и провоцировать его желание какими-либо действиями.

В то же время в параллельном мире дворянства начинается расцвет любви возвышенной. Цель этого забавного изобретения – разделение любви на так называемые области «выше и ниже пояса». Женщина могла получать от своего рыцаря комплименты, слушать его признания в любви, даже позволять прикасаться к её рту или груди. Но половой акт был при этом строго воспрещён.

Рыцарская любовь возникла в начале XII столетия. Женщина воспевалась трубадурами и всячески идеализировалась. Рыцарь клялся подарить своё сердце своей единственной возлюбленной и любить её исключительно платонической любовью. Если только она не соглашалась со временем выйти за него замуж.

Именно в XII столетии возникли первые правила соблазнения! И что самое интересное, в переводе с французского первое значение этого слова означало «ввести в заблуждение»! Все средства были хороши для того, чтобы привлечь внимание и соблазнить свою возлюбленную. В определённом смысле с тех пор мало что изменилось.

Возвышенная любовь заключалась в постоянном желании

друг друга, редких поцелуях, возлежании рядом обнажёнными, но категорически исключала совокупление.

Вопреки всему этому в период Средневековья сексуальные фантазии удовлетворялись достаточно быстро, ибо продолжительность жизни была очень невелика и ждать было некогда. Поэтому возвышенно влюблённые рыцари параллельно реализовывали свои потребности с женщинами древнейшей профессии.

С одной стороны, было много запрещённого, но с другой – реальность и физиологические потребности брали своё. В средневековой Франции сексуальная жизнь присутствовала повсюду. В каждом городе среднего размера существовали так называемые «барда», то есть дома на берегу реки. Впоследствии это слово превратилось во всем известное «бордель». В домах этих существовали более чем свободные нравы. Да и по церковному уставу любовные утехы не являлись грехом, если за любовь было заплачено. Тем более, что сама же церковь и владела большинством борделей.

С течением времени количество публичных домов не переставало расти. В Париже даже бытовала поговорка, что, переходя через мост, вы обязательно встретите двух монахов, двух ослов и двух проституток. На фоне бесчисленных церковных запретов проституция запрещена не была. Напротив, начиная с XII столетия она рассматривалась как необходимое зло. В то же время, если женщина изменяла своему супругу, он мог убить её совершенно безнаказанно.

Если же изменял муж, жена не имела против него никаких санкций в рамках закона.

Изнасилование не считалось преступлением. Только если девушка оказывалась девственницей, её отец мог претендовать на материальную компенсацию. Церковь понимала мужские физические потребности. Поэтому именно она не только участвовала в организации борделей, но и контролировала их заработки. Бордели приносили церкви больше доходов, чем принадлежащие ей земли.

Уже в XIII столетии Париж получил известность как город удовольствий. В 1254 году святой Луи пытался запретить проституцию, но быстро изменил своё решение и уже спустя два года позволил жрицам любви обустраиваться в районе улицы Сан-Дени.

При этом женщины лёгкого поведения имели особые знаки в одежде, дабы отличаться от женщин целомудренных. Они не должны были носить головной убор и часто выставляли напоказ грудь, зазывая таким образом клиентов на улице.

В то время церковь настаивала, чтобы женщины древнейшей профессии по воскресеньям ходили на мессу. Поэтому в этот день им не разрешалось работать, а поход в церковь гарантировал им спасение своей собственной души, а также спасение душ своих клиентов. Также жрицы любви могли искупать свои грехи, а точнее – выкупать их у церкви за определённую сумму. Утверждают, что в только в Париже церкви

принадлежало около трёх тысяч борделей, в которых работало сорок тысяч женщин, чаще всего из числа матерей-одиночек и женщин изнасилованных и брошенных.

На дверях публичных домов вывешивались красные фонари, чтоб отличить их от домов обычных. Управляли ими женщины, которые следили за питанием и здоровьем своих подопечных. Публичные дома принадлежали не только церкви, но и городскому управлению, и в таком случае управлялись городским консулом. Наидревнейшая профессия была жёстко регламентирована – так, большинство борделей было сосредоточено в определённых кварталах города.

При этом мода на публичные дома не прошла даже мимо некоторых монастырей. В эпоху правления Луи XII недалеко от Лиона один из монастырей был превращён в бордель, где сами монахини оказывали клиентам платные услуги. Кроме этого, существовали общие городские бани, мытьё в которых зачастую превращалось в совместную оргию. И, конечно, не забывала о плотских утехх армия – женщины лёгкого поведения следовали за солдатами повсюду, поднимая их боевой дух.

Интересно, что в средневековой Франции приговорённый к смерти мог быть помилован, если на пути его следования к эшафоту какая-либо женщина изъявляла желание выйти за него замуж.

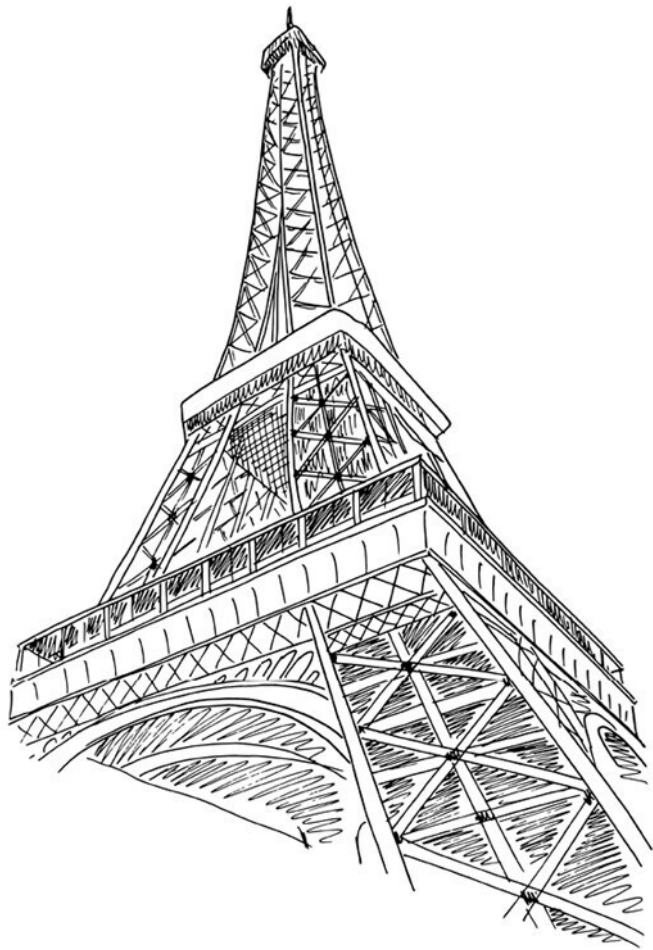
У высших слоёв общества жизнь тоже была далеко не простой. Изначально французские короли могли выбирать себе

супругу по любви независимо от каких-либо политических или дипломатических интересов. Так продолжалось до конца первого тысячелетия нашей эры. И часто у них получалось совместить приятное с полезным.

Так, король Генрих I мечтал найти себе в супруги красавицу с длинными волосами и лицом, по красоте сравнимым с произведением искусства. В то же время Генрих I искал возможность укрепить союз с Востоком и заручиться союзом в преддверии возможного конфликта с Германией. Так во Францию прибыла принцесса Анна Ярославна Киевская – дочь Ярослава Мудрого, в которую Генрих I влюбился с первого взгляда. В 1052 году она родила королю наследника, будущего короля Франции Филиппа I, а затем ещё троих детей.

Через три года после смерти коронованного супруга Анна осмелилась снова выйти замуж. Второй брак Анны наделал много шума. Ради неё Рауль Великий отрёкся от своей молодой и красивой жены, которая, узнав об измене супруга, не замедлила отправиться в Рим и пожаловаться папе Александру II. В свою очередь, папа потребовал от Рауля вернуться к своей законной жене. Но последний на уступки не пошёл, и его брак с Анной папа признал незаконным. Однако король Филипп I закрыл глаза на приключения своей прародительницы, некоторое время бывшей со своим любовником в бегах, и допустил её назад ко двору. Впоследствии Анна основала аббатство Святого Винсента в небольшом городке Сан-

лис в 30 км от Парижа, которое и по сей день привлекает к себе множество туристов.

Каноном красоты с XII по XV столетия считалось удлинённое тело с тонкой талией, маленькой грудью, узкими щиколотками и бёдрами, тонкими руками и ногами. Также высоко ценились светлые волнистые волосы, фарфоровый цвет кожи, маленький рот, ровные белые зубы, миндалевидные чёрные глаза, высокий лоб и прямой тонкий нос.

В Средневековье женщина обязана была чтить своего супруга превыше всех остальных мужчин, любить его, слушаться во всём и ни в коем случае не противоречить. Она должна была проявлять нежность, мягкость и заботу, оставаться всегда спокойной, даже если муж чем-то разозлён. Если вдруг женщина узнавала об измене своего супруга, о своём несчастье она могла сообщить только Господу Богу. Женщина должна была заботиться о том, чтобы муж никогда ни в чём не нуждался и всегда пребывал в ровном и хорошем настроении.

Но как бы ни тяжела была жизнь женщин в то далеко не простое время, ещё больше испытаний выпало на их долю во времена Ренессанса. В эпоху Возрождения женщинам было не принято выражать свои мысли и чувства вслух, поскольку они вообще не принимались в расчёт. Всё так же процветало насилие над женщинами из бедных слоёв населения, и особенно проститутками. При этом воровство наказывалось гораздо строже.

И тем не менее, Ренессанс подарил мировой истории та-

ких знаменитых женщин, как Маргарита Наваррская, Екатерина Медичи и многих других. Более того, куртизанки из высших слоёв обладали большей свободой и правами, нежели замужние дамы. Они не только предоставляли своё тело в пользование для утех, но были хорошо образованы, могли поддержать разговор на любую тему, развлечь музицированием или пением.

В это же время возникло одно из монументальных изобретений старого режима, а именно – куртизанка или любовница короля, многие из которых вошли в историю, в том числе – на политическом поприще. Среди них Аньес Сорель, Франсуаза де Шатобриан, Диана де Пуатье, Габриэль д'Эстре.

Кроме куртизанок, приближенных к королям, многие женщины той эпохи играли ведущие роли в культурном и религиозном плане, а также в развитии искусства. Так, всем известная Диана де Пуатье оставалась любовницей короля Генриха II до самой его смерти на турнире в возрасте 40 лет. При этом Диана была практически на 20 лет его старше. Генрих II запомнил поцелуй, которым она проводила его в 8-летнем возрасте в испанский плен в обмен на освобождение отца – короля Франциска I. Влюбился же Генрих II в Диану в 12 лет, когда снова увидел её на празднестве, устроенном в честь его возвращения из плена. Будущая фаворитка короля уже перешагнула на тот момент порог старости, достигнув 30-летия. Но говорили, что время было не властно

над её красотой. И законная жена короля Екатерина Медичи, родившая ему 10 детей, так и не нашла способ уменьшить влияние на своего мужа фаворитки, которую он задаривал драгоценностями и замками. Ходили слухи, что сама Диана поставляла ко двору короля молодых девушек – красивых, но не блещущих умом, что и позволило сохранить ей свои позиции вплоть до смерти Генриха II.

В XVI веке Габриэль д'Эстре была фавориткой короля Генриха IV, который отрёкся от королевы Марго из-за отсутствия наследников. Поговаривали, что Габриэль была продана Генриху IV собственной матерью, когда ей исполнилось 16 лет. Современники описывают природную красоту Габриэль. Её тело отличалось совершенством пропорций, кожа сияла белизной, а глаза имели цвет неба.

Тем не менее, говорили, что изначально королю она не понравилась и посему довольно долго переходила из рук в руки среди знатных вельмож – до тех пор, пока в очередной раз не попалась на глаза Генриху IV, который сделал её своей любовницей. Однако для сохранения приличий он всё же выдал её замуж.

Впоследствии Габриэль оказала неслыханное влияние на короля, который, будучи убеждённым предводителем протестантов, принял католицизм и отрёкся от своей жены Маргариты де Валуа, чтобы возвести на престол любовницу. Габриэль родила королю троих детей, из которых первый мальчик был узаконен Генрихом IV. Однако король так и не

успел жениться на своей фаворитке, умершей во время своей четвёртой беременности. Многие утверждают, что она была отравлена недоброжелателями, которые опасались её влияния на короля.

Разжалованная супруга Генриха IV, известная всем как королева Марго, отличалась острым умом и получила прекрасное образование. Она знала латынь и древнегреческий, свободно изъяснялась на итальянском и испанском, интересовалась философией и литературой. Марго была также известна своими свободными нравами. Уже в 12 лет её выдали замуж за собственного троюродного брата Генриха IV. Их свадьба закончилась Варфоломеевской ночью, во время которой Маргарита спасла жизнь нескольким дворянам и своему супругу-протестанту. Она отказалась оформлять с ним развод, несмотря на настояние своих родственников. Однако бездетный брак с Генрихом IV был расторгнут самим Папой Римским.

Несмотря на все ограничения, эпоха Возрождения знаменита своими высокообразованными женщинами, которые часто держали у себя дома салоны, посещаемые в том числе и мужчинами. Одна из них – мадам де Севинье, жившая в Париже. Она является автором одного из самых знаменитых в истории французской литературы эпистолярных романов. Мадам де Севинье прекрасно владела итальянским и испанским языками, а также латынью. В браке она была несчастлива – её супруг был равнодушен к прекрасному полу и

изменял ей направо и налево, из-за чего и был убит на дуэли, оставив молодую вдову с двумя детьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.